

Интернет как среда формирования личности

Л. В. КАН, Ю. М. КУЗНЕЦОВА, Н. В. ЧУДОВА

Аннотация. Исследование посвящено проблеме возникновения новых условий развития личности. Интернет рассматривается как среда, обладающая специфическим формирующим личностный потенциалом. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что сетевые пользователи и профессионалы демонстрируют ряд психологических особенностей, являющихся адаптивными для данной среды. Соответствие полученных в настоящем исследовании результатов тенденциям, описанным в более ранней работе (2007 г.), позволяет говорить о валидности выявленных закономерностей.

Ключевые слова: интернет-культура, характерологические особенности, развитие личности.

Введение

В одной из первых работ, посвященных постиндустриальному обществу, Д. Белл выделил его важнейшие черты, среди которых — изменения в характере труда и связанные с этим изменения в образе жизни. «Это деятельность, связанная в первую очередь с обработкой данных, управлением и информацией. Это образ жизни, который во все возрастающей степени сводится к взаимодействию людей друг с другом... Тем самым из процесса труда и повседневной практики исключаются природа, искусственно созданные предметы, а остаются лишь люди, которые учатся взаимодействовать друг с другом. В истории человеческого общества это совершенно новая, не имеющая аналогов ситуация» [1]. В последние годы именно эти социально-психологические и собственно психологические изменения, характеризующие современный тип общества, оказываются в центре внимания исследователей и практиков. Так, Генеральный директор ЮНЕСКО Коичиро Мапура в своих публикациях подчеркивает, что «знание становится основной силой социальной трансформации» [13]. В документах Всемирного научного форума, организованного ЮНЕСКО и Международным советом по науке в ноябре 2003 г. в Будапеште, дается следующее определение: «Общество, основанное на знаниях (*the knowledge-based society*)», — это инновационное общество, базирующееся на концепции непрерывного обучения в течение всей жизни» [2]. «Главными активами общества, основанного на знаниях, выступают люди, как единственно возможные носители креативности и неявного знания, и информация» [10].

Ясно, что «носители креативности», «которые учатся взаимодействовать друг с другом» — это не люди, получившие особую специальность в ходе

обучения, а массовый человек, выросший в таких условиях, которые могут быть предикторами формирования именно такого типа личности. Мы предположили, что эти условия создаются в рамках новой семиосферы — интернет-культуры [3, 12].

В 2005 г. мы проводили исследование психологических особенностей людей, активно пользующихся интернет-ресурсами. Целью работы было определение влияния на личность длительного опосредствования деятельности интернет-ресурсами. В исследовании приняло участие 157 человек, различающихся стажем интернет-активности и родом деятельности в Сети: использовано 14 психодиагностических методик. Было обнаружено, что стаж и род сетевой деятельности связаны на уровне самосознания наличием/отсутствием новой идентичности — «житель Интернета»: те, кто долго и активно осуществлял коммуникативную и/или профессиональную активность в интернете, начинали ощущать себя «гражданами» нового мира — мира, построенного на возможностях глобальной Сети. Были выявлены значимые отличия группы сетевых «долгожителей» (стаж активной деятельности в интернете более трех лет), что было предложено интерпретировать как направленные и устойчивые изменения, происходящие в психике человека при переходе к жизни в условиях интернет-опосредствованности большинства видов деятельности.

1. Постановка проблемы и процедура исследования

В 2011 г. мы провели повторное исследование, призванное подтвердить или опровергнуть сделанные нами ранее выводы и уточнить выявленные ранее закономерности. Актуальность такой задачи свя-

зана с наличием количественных и качественных изменений, произошедших с Рунетом за последние 6 лет. С 2000 г. по 2010 г. аудитория Рунета выросла в 20 раз. Если в 2000 г. интернет-аудитория в России составляла 3,1 млн пользователей (2,1 % населения), то в конце 2010 г. согласно отчету Morgan Stanley она составляет 60 млн пользователей, или 42 % населения. Для Москвы «индекс интернетизации» еще выше — 64 % москвичей являются пользователями интернета (данные Фонда «Общественное мнение» на начало 2010 г.). При этом количество ежедневно выходящих в сеть достигло весной 2010 г. 29,8 млн (по данным Координационного центра RU). Таким образом, наши испытуемые 2005 г., вошедшие в группу «долгожителей», представляли собой в социологическом смысле маргиналов. Их приобщение к интернет-жизни началось в 1998–2002 гг., когда свободный доступ в интернет был у абсолютного меньшинства населения. Наши же испытуемые 2011 г. — это люди, живущие в эпоху тотальной интернетизации московской жизни. За эти годы и Всемирная Сеть, и Рунет претерпели существенные качественные изменения. Именно в эти годы появились так называемые социальные сети — Facebook возник в 2004 г., а русскоязычная версия появилась в 2008 г. В контакте и Одноклассники возникли в 2006 г. Такой же ресурс как «Живой Журнал», существующий с 1999 г., именно в последние годы получил такое распространение в Рунете, что теперь Россия занимает второе после США место по числу пользователей этого ресурса. Это означает, что анонимность, представлявшаяся ранее принципиальной характеристикой сетевой жизни, теперь перестала быть «естественным» условием деятельности, опосредованной интернетом, а превратилась в сознательно выбираемую позицию.

Итак, интернет в современных условиях стал неотъемлемой частью повседневной реальности, а «интернет-культура» как семиосфера (по терминологии Ю. М. Лотмана) сместилась в диалоге с внесетевой культурой с периферии к центру и сама стала источником новых текстов и новых смыслов.

В нашем исследовании 2005 г. значимые различия между сетевыми «долгожителями» и контрольной группой были обнаружены по шкалам трех опросников: Опросник черт характера (ОЧХ [11]), Опросник конструктивного мышления (ОКМ [5]), методика диагностики агрессивности (ВРАQ). Соответственно, именно эти методики были использованы нами и при обследовании 2011 г. Испытуемым предложена была также специально разработанная анкета, позволяющая получить информацию о длительности и интенсивности сетевой активности человека.

Испытуемые (41 чел.) были отобраны так, чтобы по половозрастным, социальным и профессиональным характеристикам воспроизвести структуру нашей выборки 2005 г. Четверть группы (11 чел.) составили

«профессионалы» (программисты, веб-дизайнеры) в возрасте от 22 до 32 лет; остальная часть была сформирована из «пользователей» (студентов-гуманитариев) в возрасте от 18 до 20 лет.

В первую очередь наша выборка была проверена на наличие в ней людей, демонстрирующих ведущий симптом интернет-аддикции — наличие синдрома отмены (абстинентный синдром) [7]. Для этого в анкету были включены два вопроса, ответы на которые позволяют оценить степень эмоциональной вовлеченности человека в интернет-активность. Оказалось, что среди наших испытуемых интернет-зависимых нет: ни один из них не дал положительных ответов на оба вопроса одновременно. При этом переживают, когда нет возможности выйти в интернет, только 15 % пользователей, а не заботятся о том, чтобы иметь возможность выйти в Сеть, когда уезжают в отпуск или на каникулы, 80 % пользователей. Для профессионалов эти цифры существенно выше (33 и 20 % разработчиков, соответственно), что объясняется, видимо, спецификой организации труда этих людей — все они работают по проектам, грантам и контрактам, что предполагает периоды «авралов» и требования постоянно быть «в доступе» для рабочих контактов.

Согласно данным анкетирования все испытуемые образца 2011 г. были отнесены к группе «долгожителей» интернета: все испытуемые пользуются интернетом больше трех лет; 80 % испытуемых выходят в интернет каждый день, 20 % — несколько раз в неделю; все пользуются не менее чем тремя типами ресурсов (общение, новости, поиск профессионально важных сведений). Это позволило проводить сравнение двух групп — группы сетевых «долгожителей» образца 2005 г. и всей группы испытуемых образца 2011 г. по уровню выраженности психологических особенностей (ОЧХ) и стратегий работы с информацией (ОКМ). Сравнение уровня агрессивности (ВРАQ) проводилось отдельно для групп, различающихся родом сетевой активности («профессионалы» и «пользователи»), и для групп «пользователей» образца 2011 г. и 2005 г. Для оценки достоверности различий использовались методы непараметрической статистики (критерий Манна—Уитни).

2. Результаты и их обсуждение

Первый важный для последующего анализа результат нашего исследования состоит в том, что возраст приобщения к интернету современного молодого человека — $12 \pm 0,8$ лет. Это означает, что ключевой период в становлении личности (пубертат и юношеский возраст) эти люди проходят в условиях, когда любая деятельность может осуществляться с опорой на те возможности, которые предоставляет

интернет. К 2014–2015 гг. в Москве и других крупных городах России в трудовую жизнь в массовом порядке вступят люди, чья личность формировалась под влиянием интернет-культуры.

Проведенный по материалам исследования 2005 г. анализ [6], выявил направление воздействия интернет-культуры на постоянных пользователей. Оказалось, что «долгожители» интернета образца 2005 г. отличались от эпизодических пользователей сниженной гипертимностью и низкой склонностью к эзотерическому мышлению, а также большей валидностью и меньшей социальной желательностью ответов. При этом все «жители» интернета, независимо от их интернет-стажа, отличались от людей, не пользующихся интернетом, сниженной педантичностью и застреманностью, а также более низкими показателями физической агрессии.

Людям с высокими значениями по шкале гипертимности не свойственны проявления робости, застенчивости. Чувство дистанции, сохранение субординации в отношениях для них проблематично. Зачастую их интересует не результат деятельности, а сам процесс. Стремление к лидерству выступает как органично присущее свойство этих людей, им свойственно быть душой любой компании. Их отличает также низкая эмоциональная чувствительность к собственным ошибкам, высокий уровень притязаний, не всегда адекватная оценка реальных возможностей, собственных ресурсов.

Шкала эзотерического мышления измеряет то, насколько люди верят в загадочные, не поддающиеся научному толкованию феномены, такие как приведения, астрологические данные, способность читать мысли, хорошие и дурные предзнаменования, общепринятые суеверия. До определенного момента эзотерическое мышление характеризует уровень открытости разума к непознанному. Однако слишком высокий балл по этой шкале предполагает недостаточную критичность и опору в поведении на тонкие необъяснимые ощущения, что может приводить к частичной утрате принципа реальности.

Люди с высокими значениями по шкале «застреманности» живут и действуют под влиянием неугасающего эмоционального переживания, длительной, имеющей тенденцию к развитию, часто тщательно скрываемой, страсти. Они терпеливые бескомпромиссные бойцы, ведущие свою собственную необъявленную войну, упорно отстаивающие личное превосходство над противником. Потерпев поражение, они не отчаиваются, не унывают, наоборот, черпают силы для новой борьбы. Критические замечания воспринимают как личное оскорбление.

Люди с высокими значениями по шкале «педантизм» проявляют добросовестность, аккуратность,

пунктуальность. Отличительной особенностью является скрупулезное знание норм, регламентирующих условий, законов, правил, инструкций. Решение принимается взвешенно, только на основании известных своей достоверностью и надежностью предпосылок. Доверяют только собственным результатам.

В настоящем исследовании установлено, что современная молодежь отличается от «долгожителей» интернета 2005 г. более низкой возбудимостью и педантичностью, более низкой категоричностью и эзотеричностью мышления, более высокой социальной желательностью ответов и конструктивностью мышления. Обнаружено также, что у современных молодых пользователей интернета снижение по указанным выше показателям черт характера имеет абсолютное значение — у половины наблюдается деакцентуация по педантичности, а у трети — по возбудимости.

Шкала категорического мышления измеряет склонность людей видеть мир только как «черный или белый» без различия деталей. Ригидность мыслительных процессов и максимализм делают таких людей предвзятыми, быстро раздражающимися и злящимися при столкновении с ситуациями, не вписывающимися в их стереотипы. С другой стороны, развитое категорическое мышление способствует принятию быстрых решений и моментальным решительным действиям.

Общая шкала конструктивного мышления. Люди, обладающие высоким баллом по общей шкале, прежде всего, способны дивергентно мыслить. Они умеют подстраивать свой способ мышления к требованиям ситуации. В основном они всегда оптимистичны, но бывают пессимистичны в угрожающих ситуациях. Они стремятся контролировать ситуацию, когда это возможно и разумно, но готовы функционировать и в неконтролируемой ими обстановке. Конструктивно мыслящие люди принимают других, как есть; в равной степени это характеризует и их отношение к самим себе. В неприятных ситуациях они не думают о других, как о «плохих» или «хороших», а стараются решить проблему. Чем лучше развито конструктивное мышление, тем в нем больше отражается способность к эмоциональному и поведенческому совладанию, и тем меньше в нем элементов эзотерического, категорического и личностно-суеверного мышления.

Лица с низкими значениями по шкале «педантичность» отрицают в себе стремление к тщательности, аккуратности, самоконтролю. Вседозволенность, безнаказанность, безответственность — проявления на житейском уровне.

Лица с низкими значениями по шкале «возбудимость» отрицают (или блокируют) импульсивность,

агрессивность, взрывчатость, проявляют хладнокровие, высокий уровень самоконтроля и саморегуляции в сфере эмоциональных реакций, отношений.

Установлено также, что современные пользователи имеют более низкие показатели склонности к физической агрессии как по сравнению с «жителями» интернета 2005 г., так и по сравнению с профессионалами 2011 г.

Сравнение пользователей и профессионалов образца 2011 г. выявило следующее. У первых наблюдается более высокая эмотивность, тревожность, экзальтированность, циклотимность и более высокая склонность к эзотерическому и личностно-суеверному мышлению, а также наивному оптимизму.

Людям *эмотивного типа* свойственны сострадателность, чуткость, обостренное чувство справедливости, созерцательность, любовь к гуманитарным наукам, искусству.

Лица *тревожного типа* обладают такими качествами, как тонкая восприимчивость к миру, ранимость, дружелюбие, стремление к эмоциональному комфорту, ответственность. В новой, неопределенной ситуации моментально развиваются выраженные панические реакции, проявляющиеся в поведении и на вегетативном уровне.

Люди с *циклотимностью* имеют циклические изменения эмоционального состояния. Фазы выражены не резко. Длительность фазы колеблется от недели до нескольких месяцев. Важным адаптивным фактором является наличие адекватной, успешной модели поведения как в гипертимной фазе, так и в дистимной.

Лица с *экзальтированностью* контактны, словоохотливы, влюбчивы, обладают развитым воображением, эстетическим вкусом, виртуозные спорщики. Колебания настроения играют существенную роль в формировании мотивации, ситуации принятия решения. Прогнозы часто интуитивны, немотивированны, деятельность всегда эмоционально окрашена. Темп нарастания эмоциональных реакций, их внешние проявления отличаются большой интенсивностью. Импульсивная активность этих лиц связана с альтруистическими побуждениями. Постоянная смена настроения, ощущение «тревоги и счастья» служат основанием для трудностей самопрезентации.

Шкала личностно-суеверного мышления определяет, насколько люди склонны к личным суевериям типа «если желать чего-то слишком сильно, именно это и не даст случиться желаемому» и «если случится что-то хорошее, вслед за ним непременно произойдет что-то плохое». Личностно-суеверное мышление позволяет избежать слишком сильного расстройства из-за неудач благодаря уничтожению

всяческих надежд и энтузиазма. Люди с высоким баллом по данной шкале больше ориентированы на избежание неудач, нежели на достижение успеха.

Шкала наивного оптимизма позволяет установить, насколько люди необоснованно оптимистичны. С одной стороны, «наивные оптимисты» всегда в хорошем настроении, их все любят, и они преуспевают в политике. С другой стороны, слишком высокие баллы по данной шкале означают простецкое отношение к жизни и неспособность осознавать угрозу, когда она возникает и принимать адекватные меры. У взрослых наивный оптимизм становится менее заметным и связанным с категорическим мышлением.

Рассмотрим полученные результаты более подробно.

Будем считать снижение гипертимности у «долгожителей» интернета, зафиксированные нами 6 лет назад, результатом адаптации к условиям деятельности в сетевой среде. Тогда отсутствие значимых различий по этой шкале между современной молодежью, выросшей в этой среде, и «долгожителями интернета» шестилетней давности должно быть проинтерпретировано как проявление действия специфических условий виртуальности. Это позволяет считать, что «героическое» и лидерское поведение гипертима менее востребовано в условиях виртуальной коммуникации и именно в этом направлении формируется характер человека интернет-эпохи.

Негативное отношение к знаниям, полученным внерациональным путем, зафиксированное нами у долгожителей интернета образца 2005 г., у современной молодежи лишь усилилось. К этому добавилось и отвержение «черно-белого» взгляда на мир, так что современный молодой человек, с подросткового возраста адаптирующийся к многообразию интернет-среды, не склонен ни доверять чему-либо без опытной проверки, ни судить категорично о чем бы то ни было. При этом способность давать точные ответы на вопросы, не требующие дополнительных раздумий (так называемая валидность ответов), у современных представителей интернет-сообщества сохранилась.

Единственная черта «долгожителя» интернета, не подтвердившаяся в настоящем исследовании, — это сниженная социальная желательность. По-видимому, расширение сетевого пространства на практически все сферы жизнедеятельности и развитие его коммуникативной составляющей (социальные сети, ЖЖ, скайп и др.) уже не позволяет относиться к интернету как к инструменту «бегства от публичности».

Сравнение «жителей» интернета с людьми, не пользующимися интернетом, проведенное в 2005 г., в 2011 г. оказалось невоспроизводимо, поскольку среди студенческой молодежи не удалось найти

группу тех, кто 6 лет назад выступал как «контроль», как представитель «нормальной» внесетевой жизни. Однако полученные нами данные о снижении педантичности и возбудимости у современных студентов по сравнению с «долгожителями» интернета образца 2005 г. подтверждают наше предположение о влиянии деятельности, опосредованной интернетом, на характер человека. Общей темпераментной основой этих двух черт характера является психомоторная эргичность и эмоциональность. Именно к этим качествам деятельность, опосредованная компьютером, а уж тем более интернетом наименее чувствительна. Низкая психомоторная выносливость и низкая эмоциональная чувствительность к ошибкам при выполнении физической работы никак не влияют на активность в Сети. Даваемое же низкой чувствительностью к неудачам в общении ощущение радости и уверенности в себе в процессе взаимодействия с другими людьми позволяет находить в виртуальной среде множество «друзей» и реализовывать вариант «легкой социальности» [6].

Вся эта «естественность» интернета как среды жизнедеятельности для «ленивых и любопытных» не отменяет, однако, необходимости для человека развития механизмов саморегуляции. Формирование подростка и далее молодого человека в условиях тех размытых ролевых ожиданий и неочевидных требований к результатам деятельности, с которыми человек сталкивается в интернет-среде, видимо, не только препятствует формированию собственно педантичности и мнительности, но и затрудняет развитие саморегуляции как таковой (47 % из группы студентов 2011 г. демонстрируют дезакцентуацию педантичности как черты характера). Обратной стороной низкой саморегуляции и чувствительности к ошибкам в деятельности является выраженная «интеллектуальная и коммуникативная пластичность, подвижность, спонтанность, креативность» [9]. Похоже, что именно эти черты, столь ценные для «общества, основанного на знаниях», оказываются адаптивными для интернет-активности, так что направление личностного развития, опосредованного интернетом, следует признать не только неизбежным, но и конструктивным. Представляется необходимым, однако, создание новой, дополнительной линии в обучении и воспитании, предоставляющей современному подростку возможность присвоить существующие в культуре средства саморегуляции.

Полученные в настоящем исследовании данные о том, что современные пользователи менее агрессивны по сравнению с «долгожителями» образца 2005 г., которые в свою очередь были не так агрессивны как те, кто составлял контрольную группу представителей «внесетевой» культуры, показывает, что выявленная ранее тенденция не случайна. В нашей работе, посвященной специфике агрессии в интернете [4], показано, что Глобальная Сеть как новая субкульту-

ра более жестко оценивает насильственные действия и содержит в своих неписанных правилах поведения меньший объем «санкционированного насилия», чем современная ей российская национальная культура. Ситуативная агрессивность, возникающая в сетевом поведении, может быть объяснена не агрессивностью как чертой личности пользователей, а сочетанием высокой поисковой активности с неустойчивостью самооценки, неопределенностью границ Я и нетерпеливостью (развивающейся на базе низкой психомоторной выносливости).

Обнаруженные различия между группами пользователей и профессионалов, возможно, не следует трактовать как обусловленные различиями в характере их интернет-активности. Более вероятно, что такие черты как эмотивность, тревожность и экзальтированность специфичны именно для студентов-гуманитариев. Отметим и то, что данные характерологические особенности являются проявлениями более общих черт: эмоциональной ранимости и эмоциональной неустойчивости [9]. Неудивительно, что в группе программистов, в которой к тому же больше мужчин, эти черты не являются ведущими. Также профессиональной и половозрастной спецификой наших групп объясняются и обнаруженные различия в используемых мыслительных стратегиях.

Заключение

Еще раз вернемся к модели диалога культур [8]. Ю. М. Лотман предлагает рассматривать отношения двух культур как диалог, в котором каждая из них выступает то как принимающая сторона, то как продуцирующая, дающая. При этой смене ролей отношения культур проходят несколько этапов, что находит свое отражение в текстах, кодах и самоотношении семиосфер каждой из участниц. В нашей работе [3] было показано, что в конце 90-х гг. в нашей стране в отношениях внесетевой культуры и интернет-культуры сложилась ситуация «перехода мяча на чужую сторону», характерная для третьего этапа диалога: «в обществе складывается впечатление, что заимствованные из другой культуры средства и тексты в полной мере могут раскрыться только и именно „здесь“, в новой культуре». Именно в это время особое беспокойство и родителей, и специалистов относительно психологического благополучия подрастающего поколения начинает связываться с «уходом в виртуал». Теперь, когда диалог закончился и деление на внесетевую и сетевую культуру для большей части жителей крупных городов России потеряло всякий смысл, а молодежь начала 2000-х гг. уже воспитывает собственных детей, можно подвести итог и спорам о пользе/вреде интернета. С обретением этого нового инструмента, почти такого же

универсального, как естественный язык, с точки зрения возможностей опосредствования деятельности, человечество в очередной раз изменилось. Созданные интернетом условия жизни стали более толерантны к сниженному и/или непостоянному уровню энергичности человека, наличию у него тех или иных ограничений физических возможностей, хронических и функциональных нарушений в области физической выносливости. Отметим, что и агрессия перемещается из формы физического насилия в иные формы, возможно не менее вредоносные, но основанные не на преимуществе силы, а на преимуществе знания. Эти новые условия предъявляют, однако, повышенные требования к способности человека отбирать релевантную его деятельности информацию и проверять ее на достоверность. Как подросток утрачивает детскую возможность строить свою самооценку только на основе оценки значимого взрослого, так и для современного человека уже никакая информация, полученная из СМИ и рекламы, содержащаяся в высказываниях экспертов по соответствующей проблеме, деловых, социальных и национальных лидеров, не может быть автоматически встроена в систему его представлений о реальности. В этой ситуации и стратегия категоричного мышления, позволяющая выносить быстрые, но огрубленные суждения, окончательно утрачивает свою привлекательность для человека, имеющего неограниченный по времени доступ к неограниченной по объему информации.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999, 2001.

2. Бурухина Л. В. Проблема организации образовательного пространства в обществе, основанном на знании (социально-философский анализ) Автореф. канд. дис. Тверь, 2009.
3. Евлампиева М. А., Рахимова Н. А., Чудова Н. В. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета // Проблемы медиапсихологии. М., 2002. С. 87–94.
4. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Цибульский Н. П., Чудова Н. В. Специфика агрессии в Интернет-среде // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 65–72.
5. Ениколопов С. Н., Лебедев С. В. Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств // Психологическая диагностика. 2004. № 3. С. 19–38.
6. Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Психология «жителей» Интернета. М.: URSS, 2011.
7. Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. К вопросу о постановке проблемы существования сетевой зависимости // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития. М., 2009. С. 70–91.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
9. Манолова О. Н. Акмеологический ресурс индивидуального характера: акцентуации и деакцентуации черт // Мир психологии. 2008. № 1.
10. Миндели Л. Э., Пития Л. К. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний // Проблемы прогнозирования. 2007. № 3.
11. Русалов В. М., Манолова О. Н. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В). Методическое пособие. М., 2003.
12. Чудова Н. В. Особенности образа Я «жителя» Интернета // Психологический журнал. 2002. № 1. С. 54–59.
13. Communication: From Information Society to Knowledge societies/UNESCO. The New Courier. № 3. October 2003.

Кан Лариса Валентиновна. Н. с. Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ). Окончила в 1995 г., Московский педагогический государственный университет (МПГУ) им. В. И. Ленина. Количество печатных работ: 12. Область научных интересов: психология личности, психотерапия аддикции. E-mail: L33@gambler.ru

Кузнецова Юлия Михайловна. С. н. с. ИСА РАН. Канд. психол. наук. Окончила в 1991 г. МГУ. Количество печатных работ: 40. Область научных интересов: психология развития, психолингвистика. E-mail: kuzjum@ya.ru

Чудова Наталия Владимировна. С. н. с. ИСА РАН. Канд. психол. наук. Окончила в 1982 г. МГУ. Количество печатных работ: 57. Область научных интересов: когнитивная психология. E-mail: nchudova@gmail.com